

Андрей Сахаров, как глубокий мыслитель, высказывающийся не в угоду другим или ради выгоды для себя, сосредоточил свое внимание на одной основной идее, которую дополняют и расширяют все его высказывания. Ведущая идея Сахарова — единство современного мира. Он убежден в неразделимости нашей планеты, в том, что сейчас уже нет внутренних дел, что где бы ни совершалась несправедливость, она затрагивает всех, и поэтому изолированность стала иллюзорным понятием. Всеобщее уважение к идеям академика Сахарова еще не проявилось в конкретном их влиянии на действительность, но лишь потому, что большинство людей, как показывает исторический опыт, не сознают влияния на их судьбы несправедливости по отношению к другим, особенно когда эти другие живут далеко и говорят на непонятном им языке. Но история показала, к чему привело игнорирование европейскими правителями событий в России до и после 1917 г., пока после второй мировой войны Советский Союз не предстал перед ними страшнейшей угрозой. То же самое можно сказать о бесчеловечном отношении к евреям в Германии в 30-е годы, игнорировавшемся до захвата нацистской Германией Европы и столь же жестокого отношения к народам оккупированных стран.

Недавняя катастрофа в Чернобыле — трагическое подтверждение одного из тезисов Сахарова. Когда Сахаров (и не только он) призывал повысить критерии безопасности на советских предприятиях и шахтах, кто на Западе соотнес эти усилия со своими собственными интересами? Когда горсточка рабочих протестовавших против отсутствия обеспечения безопасности труда на предприятиях, были брошены в психиатрические тюрьмы

мы-больницы, кто за пределами Советского Союза поднял голос в их защиту?

Только когда катастрофа на плохо сконструированном и халатно руководимом советском атомном реакторе привела к распространению радиоактивности на территорию почти всех европейских государств, только тогда была болезненно осознана универсальная значимость реалий жизни в России.

Основной тезис Сахарова стал базой его важнейшего политического вывода: отношение правительства СССР к советским гражданам непосредственно касается граждан всех государств. Преследования национальных и религиозных групп в СССР; репрессии против тех, кто требует от правительства только уважения его же законов и международных обязательств; привилегии правящей элиты и беззаконность, с которой эта элита расходует, по подсчетам Сахарова, две пятых национального дохода на военные нужды — все это ни в коем случае не является внутренними делами, в которые у Запада нет нужды вмешиваться.

Интерес западных государств к Советскому Союзу в значительной степени определяется необходимостью сохранения мира. Но эта проблема имеет непосредственную связь со всем происходящим в СССР и с поведением советского правительства внутри страны. „Спасение человечества от угрозы ядерной гибели, — писал Сахаров десять лет назад, — имеет несомненный приоритет перед всеми другими задачами, но нельзя отделить эту задачу от политических, экономических, гуманистических и нравственных проблем”.*

В обращении к своим согражданам Сахаров подчеркивал, что „спасение страны — в ее взаимодействии со всем миром и невозможно без спасения всего человечества”.**

Это замечательно смелая мысль, включающая, если вдуматься в нее, как естественное следствие идею, что и человечеству не избежать катастрофы, если не спасется Россия.

*

„О стране и мире”, Изд-во „Хроника”, Н.Й., 1976 г., стр. 22

**

Там же, стр. 48

Основную угрозу миру Сахаров видит в сформировавшейся к настоящему времени структуре советской системы, стимулирующей милитаризм и агрессию, а также в недостаточном понимании Западом этой системы и в неспособности западных государств объединиться для противостояния ей. Только если советская система фундаментально изменится путем постепенной эволюции, и изменится по западному образцу, в соответствии с которым плюрализм и уважение к правам человека станут основными характеристиками советского общества — только тогда исчезнет опасность войны.

В отличие от многих западных ученых, незнакомых с тоталитаризмом, Сахаров понимает, что главная угроза выживанию человечества заключается не в самом оружии, а в людях, которые его изготавливают и разрабатывают планы его применения.

К какому направлению русской общественной мысли следует отнести Сахарова?

Хотя многие иностранцы считают, что в России нет общественного мнения, на самом деле общественное мнение существовало прежде и существует сейчас. Даже в периоды самых жестоких репрессий продолжала жить и развиваться независимая мысль. Направления русской независимой мысли можно разделить по отношению к проблеме „Россия и Запад“. Это разделение не изменилось существенно и после революции 1917 г. Одно направление русской мысли утверждало и продолжает утверждать, что Россия по самой своей сути отличается от Запада и лучше его, поскольку обладает такими качествами как человечность, сотрудничество и милосердие, а жестокость и деструктивные элементы российской культуры были привнесены приятием западных институтов и ценностей. Сторонники этого мировоззрения идеализируют дореволюционную Россию и во всех нынешних бедах обвиняют коммунизм и иностранцев. Советская Россия для них первая жертва коммунистической агрессии. Разумеется, и сторонники этой позиции не имеют в СССР возможности выражать ее свободно, но все-таки власти относятся к ней довольно терпимо, поскольку она поддерживает режим в его борьбе с влиянием Запада, в котором советское руководство видит наибольшую угрозу для своего выживания.

Как бы ни критиковали русские националисты коммунизм, они выступают вместе с режимом против таких чуждых ему идей как политические права и политический плюрализм. Русские националисты помогают властям очернить Запад, в котором многие советские граждане видят свою надежду.

Совершенно очевидно, что Сахаров не принадлежит к этому направлению. Он опирается на западную традицию, у истоков которой стоит Петр Великий. Согласно этой традиции, Россия рассматривается как составная часть международного сообщества, во многих отношениях отставшая, но при надлежащих условиях способная достичь того же уровня, что и Запад. Сахаров-ученый не признает существования различных для Востока и Запада истин. „Существует только разделение идей на верные и ошибочные“, — пишет Сахаров.* У него нет никаких иллюзий относительно нынешнего положения его родины, и он пишет об этом с нескрываемой болью, указывая на роль, которую сыграли исторические традиции России — крепостной строй, лицемерие, религиозная ксенофобия. Сахаров далек от того, чтобы обвинять Запад во всех несчастьях России. Напротив, Сахаров призывает своих сограждан протянуть Западу руку дружбы.

В одном из своих самых смелых выступлений Сахаров называет Соединенные Штаты „исторически призванным лидером плюралистического и свободного общества, сохранение и развитие которого жизненно важно для всего человечества, а значит и для России“.**

Сахаров совершенно прав. Западная культура — не одна из нескольких альтернатив организации современного мира. По моему мнению, это единственно жизнеспособная альтернатива. Только Запад создал институты политического самовыражения и юридического правопорядка, позволяющие различным общностям и группам, объединенным общими интересами, существовать в современном сложном мире. Только на Западе уважение к правам человека в самом широком смысле этого слова не воображаемый идеал, а прагматическая реальность.

* О письме Александра Солженицына „Вождям Советского Союза“ в „О стране и мире“, стр. 112

** Sunday Time magazine, June 8, 1980, p. 110

Сейчас советский режим на горьком опыте убеждается, что „человеческий фактор”, о котором говорят экономисты, является действительно ключевым элементом экономического прогресса, поскольку без этого „человеческого фактора” невозможно ни устойчивое общество, ни стабильная политическая власть. Советское руководство не может не признать очевидное: что плюрализм и уважение к закону — обязательное условие стабильной политической власти и престижа, о котором оно мечтает, но добиться которого оно не сможет, если не пойдет по западному пути.

В одной из своих работ Сахаров пишет: „Люди с Запада часто спрашивают, как мне помочь, но когда я говорю: помогите моим друзьям, иногда проявляют некоторое недоумение”.*

Мы не должны недоумевать. Этот великодушный ответ Сахарова — квинтэссенция его мировоззрения, в соответствии с которым мы помогаем себе, оказывая помощь тем, по отношению к кому судьба была менее милостивой.

* О стране и мире, стр. 81

Роберт Бернстин

Дамы и господа! Я польщен приглашением Елены Сахаровой-Боннэр выступить перед вами в день 65-летия Андрея Сахарова. Вряд ли я, американец, смогу вам сказать что-либо новое о Сахарове. Но мы, американцы, не соглашаясь друг с другом во многом, заодно в том, что любой человек вправе высказаться открыто по любому поводу.

Поэтому я решил говорить об Андрее Сахарове, но адресуясь не к американцам, а к советским руководителям, — и написал письмо Анатолию Добрынину.

Я никогда не встречался с ним, но многие мои друзья в Вашингтоне говорили мне, что относятся к нему с уважением. Они говорили, что он вежлив и что он — лучший и наиболее осведомленный представитель Советского Союза в нашей стране за последние годы. Как вы знаете, его отозвали в СССР, и там он занял пост, следующий после Горбачева по важности. По-видимому, его основным занятием будет объяснять Горбачеву, что думают американцы. Возможно, Добрынин лучше других понимает, насколько американцы озабочены судьбой Сахарова. Возможно, он понимает, что прерываемые телефонные разговоры и исходящие из Горького побасенки о благополучном житье Сахаровых производят весьма отрицательное и неизгладимо мрачное впечатление на людей в тех странах, которые могут быть самыми полезными партнерами СССР в решении международных проблем.

Позвольте мне зачитать вам мое письмо Добрынину.

Уважаемый господин посол!

Сегодня — день 65-летия Андрея Сахарова, и я нахожусь в зале заседаний Конгресса Соединенных Штатов вместе с Еленой Боннэр-Сахаровой и организаторами этого приема — американс-